

Осмысление дороги в аспекте диспозиции «свой» и «чужой» (на материале калмыцкой политической баллады XX в.)

Римма Михайловна Ханинова¹

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Ханинова Р. М., 2020

Аннотация. В статье рассматривается понятие «дорога» в аспекте диспозиции «свой» и «чужой» на материале калмыцкой политической баллады XX века — Егора Буджалова «Хулиан Гримау» (рус. пер. «Баллада о коммунисте») и Морхаджи Нармаева «Оошк торһн — Роза куукн» (рус. пер. «Баллада о девушке Розе»). Политический ракурс этих баллад определен историческими событиями (гражданская война, тюремное заключение политических деятелей, расстрел, потеря зрения), историческими персонажами (Хулиан Гримау, Генри Уинстон), членами Коммунистической партии своих стран, главными топонимами (Испания, Соединенные Штаты Америки, Советский Союз). Дихотомия «свой» и «чужой» в балладе Е. Буджалова демонстрирует политический (фашизм и демократия), идеологический (империализм и коммунистическая партия), общественный (протест разных стран против приговора Гримау) и личностный (Франко и Гримау) векторы. Это граница между жизнью и смертью героя, его путь к могильной яме, к небытию физическому и духовному бессмертию, это завершение его человеческой судьбы. В балладе М. Нармаева пересечение жизненных дорог разных людей — американского коммуниста Г. Уинстона, его противников, его друзей-соратников, советских людей, в том числе и самого автора, советской молодежи, конкретно девушки Розы — являет диспозицию «свой» и «чужой», когда «чужой» коммунист из США становится «своим» единомышленником,

когда чужой человек становится в буквальном смысле родным по крови, когда дальние расстояния не становятся преградой для добрых дел и помыслов, когда чужая жизнь спасена ценой самопожертвования. Эти произведения калмыцких поэтов несут отпечаток своего времени в ярко выраженном общественно-политическом и идеологическом ракурсе, не снижая гуманистический и нравственно-этический вектор авторской интенции.

Ключевые слова: дорога, свой, чужой, калмыцкая политическая баллада, политические деятели, коммунисты, русский перевод

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Осмысление дороги в аспекте диспозиции «свой» и «чужой» (на материале калмыцкой политической баллады XX в.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 332–344. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-332-344

UDC 82-144+821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-332-344

The Comprehension of the Road in the aspect of the «own» and «alien» disposition (based on the material of the Kalmyk political ballad of the 20th century)

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Khaninova R. M., 2020

Abstract. The article discusses the concept of “road” in the aspect of the disposition of “your” and “alien” on the material of Kalmyk political ballad of the XX century — “Julian Grimau” (Rus. transl. “The Ballad about Communist”) by Yegor Budzhalov and “Ooshk torhn — Rosa kyukn” (Rus. transl. “Ballad about the girl Rosa”) by Moradzhi Narmaev. The political perspective of these ballads is determined by historical events (civil war, imprisonment of political figures, execution, loss of eyesight), historical characters (Julian Grimau, Henry Winston), the members of the Communist Party of their countries, the main place names (Spain, the United States of America, the Soviet Union). The dichotomy of “one’s own” and “another’s” in Budzhalov’s ballad demonstrates political (fascism and democracy), ideological (imperialism and the communist Party), social (protest of different countries against the verdict of Grimau) and personal (Franco and Grimau) vectors. This is the boundary between the life and death of the hero, his path to the grave, to non-existence, physical and spiritual immortality, it is the conclusion of his human fate. In the Narmaev’s ballad the “one’s own” and “another’s” disposition is represented in the intercrossing of different people’s lives — the American communist G. Winston, his opponents, his friends, Soviet people, including the author himself, Soviet Youth and Rosa girl in particular — when the “stranger” communist from the USA becomes “one’s own” like-minded person, when a stranger literally becomes a blood relative, when long distances do not become an obstacle to good deeds and thoughts, when someone else’s life is saved at the cost of self-sacrifice. These works of Kalmyk poets bear the imprint of their time in a pronounced socio-political and ideological perspective, without reducing the humanistic and moral-ethical vector of the author’s intention.

Keywords: road, friend, stranger, Kalmyk political ballad, political figures, communists, Russian translation

Acknowledgement. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’.

For citation: Khaninova R. M. Comprehension of the road in terms of planning “your” and “alien” (on material of Kalmyk political ballads of the twentieth century). In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 332–344. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-332-344

Концепт «дорога» в калмыцкой и русской лингвокультурах как один из базовых лингвоконцептов был изучен в понятийном, образном и ценностном плане Э. М. Ханиновой, отметившей, что изучение ключевых концептов в языковых картинах мира способствует познанию менталитета и культуры разных народов, что общими семантическими компонентами слов-репрезентантов, называющих концепт «дорога / путь» в русском и калмыцком языках являются: земля, местность; движение; направление; способ; судьба; в семантике слов-номинантов исследователем указано неполное соответствие (отсутствие семантического компонента «польза, толк», отсутствие понятия «последний путь-дорога») [Ханинова 2010: 129–137].

В нашей статье на материале калмыцкой политической баллады — «Хулиан Гримау» (1963) Егора Буджалова и Морхаджи Нармаева «Оошк торһн — Роза күүкн» (1969–1970) — рассмотрим понятие «дорога» в аспекте диспозиции «свой» и «чужой». Политический ракурс этих баллад определен историческими событиями (гражданская война, тюремное заключение политических деятелей, расстрел, потеря зрения), историческими персонажами (Хулиан Гримау, Генри Уинстон), членами Коммунистической партии своих стран, главными топонимами (Испания, Соединенные Штаты Америки, Советский Союз).

В словаре калмыцкого языка понятие дороги «**хаалһ**» представлено в следующих значениях: «1) дорога, путь; трасса; **шоссе хаалһ** шоссе, шоссейная дорога; **усн хаалһ** водный путь; **хаалһ һарһх а)** пробить проход, проложить дорогу; б) *перен.* найти выход; **хаалһ өгх** дать (уступить дорогу); **хаалһ керчх** пересекать дорогу; **чик хаалһ** правильный путь; **хаалһар** по пути, по дороге; **хаалһ заах а)** указать дорогу; б) *перен.* дать совет (указание); **хаалһ олх а)** найти дорогу; б) *перен.* найти выход (выйти) из затруднительного положения; **хаалһд орулх а)** выводить на дорогу; б) *перен.* образумить, направить на правильный путь; **хаалһан геех** *прям. и перен.* сбиться с пути; **хаалһд һарх а)** выйти на дорогу; б) отправиться в путь; **керг-үүлтн цаһан хаалһта болтха!** счастливого пути!; **цаһан седклтэ күүнэ хаалһнь кезэ чигн секэтэ**

погов. у кого душа открыта, тому и путь открыт; 2. *перен.* путь, способ; **көгжитин социалистическ хаалһ** социалистический путь развития» [КРС 1977: 560].

Синонимический ряд слова «хаалһ» образован лексемами: жим, зам, цувг.

Жим — тропа, тропинка, просека; **уулын жим хаалһ** горная тропа. **Жимнх** 1) прокладывать дорогу (тропу); 2) ходить по тропинке [КРС 1977: 228, 229].

Зам 1. *уст.* тракт, большая дорога; **зам улан хаалһ** тракт, столбовая дорога; **зөрг уга күүнд зам хол** *посл.* несмелому человеку далека дорога 2) путь; **зам усн хаалһ водный путь**. **Замнх** — ездить (*часто по одной и той же дороге*). **Замч** — знаток местности (пути), проводник. **Замын** — путевой, дорожный; **замын темдг** — дорожные знаки; **замын һару** — дорожные расходы; **замын харач** путевой обходчик [КРС 1977: 239, 240].

Цувг — тропа, тропинка. **Цува** 1) мор. кильватер; 2) движение гуськом (друг за другом). **Цухрх** — пятиться, подаваться назад, отступить [КРС 1977: 639, 642].

Для калмыцких писателей характерно частотное использование слова «хаалһ» в названиях разножанровых произведений: поэмы С. Байдыева (1963), А. Кукаева «Партизана хаалһар» («Дорогой партизана», 1963) [Куукан А. 1963: 48–60], М. Хонинова «Мини хаалһм» («Мой путь») [Хоньна М. 1989], стихи Х. Сян-Белгина (1928) [Сэн-Белгин Х. 1982: 3–4], М. Хонинова [Хоньна М. 1971: 55], Е. Буджалова [Буджала Е. 1970: 26–27], Э. Тепкенкиева «Хаалһд» («В дороге») [Төвкнкин Э. 1968: 15], С. Байдыева «Хаалһдан» («Дорогой») [Байдын А. 1967: 25–26], М. Хонинова «Туршулын хаалһд йова» («Идут дорогой разведчиков») [Хоньна М. 1976: 5–8], Ц. Леджинова «Хаалһ тосхий» («Построим дорогу», 1940) [Леежнэ Ц. 1990: 93], Б. Дорджиева «Хаалһин тосхлһн» («Строительство дороги», 1940), стихотворный цикл Б. Дорджиева «Хаалһин тодлврмуд» («Дорожные размышления», 1939) о строительстве автомобильной дороги Элиста–Дивное [Доржин Б. 1959], баллада А. Балакаева «Хаалһин туск баллад» («Баллада о дороге», 1962) [Балакан А. 1962: 58]. Словосочетание «чик хаалһ»

(«правильный, верный путь») стало названием романа Б. Дорджиева о строительстве новой жизни в степи 1930-х гг. — о коллективизации [Доржин Б. 1963; 1964], словосочетание «зэргин хаалһар» («дорогой доблести») — название романа в стихах А. Сусеева [Сусен А. 1962], «чагчм хаалһс» («крутые дороги») вошло в название книги М. Хонинова [Хоньна М. 1987].

Стихотворение Егора Буджалова «Хулиан Гримау» опубликовано в журнале «Теегин герл» («Свет в степи») в 1963 г. без жанрового определения «баллада». Балладой оно стало в русском переводе Виктора Стрелкова под названием «Баллада о коммунисте» с эпиграфом «Памяти Хулиана Гримау». При этой публикации 1968 г. в сноске есть пояснение: «Хулиан Гримау (1911–1963 гг.) — герой испанского народа, член ЦК компартии Испании. Был арестован франкистами в ноябре 1962 г. После пыток расстрелян 20 апреля 1963 г.» [Буджалов 1968: 44]. Стихотворение калмыцкого поэта адресовано испанскому коммунисту после его гибели. Текст состоит из 13 катренов, организованных разными видами анафоры (парной, сплошной, смешанной). Ключевое слово «хаалһ» появляется с самого начала рассказа о последнем дне жизни заключенного героя, с обозначения места и времени действия: «Мадрид. Карабанчель. Хар дүң. / Мандлсн нарн хартл удан. / Түүрмин үүдн жаагад секгдв, / Тамин йоралур хаалһ татв» [Буджала Е. 1964: 18]. Смысловой перевод: «Мадрид. Карабанчель. Мрак. До появления солнца еще долго. Тюремная дверь со скрипом открылась, протянув дорогу к преисподней». Карабанчель — тюрьма, конкретное указание места заключения Гримау в Мадриде. «Там» (калм. «ад, преисподняя») в данном контексте метафорически означает грядущую смерть человека. Ср. в переводе В. Стрелкова прямое обозначение судьбы и жизненной дороги: «Мог он другую избрать судьбу, / Мог быть счастлив судьбою. <...> Но коммунист полегче дорог / Ради себя не ищет» [Буджалов 1968: 44].

В 6 катрене, передающем диалог диктатора Франко с узником (вымышленная встреча в тюрьме), повторяется слово «дорога», когда Гримау ставят перед выбором: либо отказаться от своих убеждений, признав вину, и стать свободным, либо остаь-

ся на прежних позициях и открыть себе тотчас дорогу к смерти: «Ухаһан соляд, гемэн медхлэ, / Энүнэс чамаг сулдхвр тосх. / Урдк кевтэн өрцх болхла, / Уклур хаалһ ода сөкгдх...» [Буджала Е. 1964: 18]. Таким образом, понятие «дорога» для героя становится, с одной стороны, дорогой смерти (расстрел), с другой — дорогой жизни (свобода), в итоге трансформируется в судьбу. Для врагов коммуниста понятие «дорога» актуализирует события гражданской войны в стране, протест против диктатуры Франко, борьбу за сохранение фашистского режима в Испании. Поэт подчеркнул решимость Гримау остаться коммунистом: «Хөрн тавн жилдэн коммунист, / Хатн, фашистнр! — гиж келнэ» [Буджала Е. 1964: 19]. Смысловой перевод: «Я двадцать пять лет коммунист. Стреляйте, фашисты! — сказал». Ср. у переводчика: «С нами пойдешь — обретешь венец: / Власть, богатство и славу, / А не пойдешь — через час конец. / Делай выбор, Гримау!» [Буджалов 1968: 45]. Здесь нет слова «дорога / путь», а слово «конец» метафорически означает смерть, т. е. конец пути. Ответ Гримау: «Выбор мной сделан давным-давно: / Жил и умру коммунистом!» [Буджалов 1968: 45]. Гримау вступил в ряды Коммунистической партии Испании в ноябре 1936 г., в 1954 г. стал членом ЦК компартии страны. Калмыцкий поэт передал в стихотворении основной смысл признания испанского коммуниста. Семантическая оппозиция «свой» и «чужой» в этом тексте демонстрирует политический (фашизм и демократия), идеологический (империализм и коммунистическая партия), общественный (протест разных стран против приговора Гримау) и личностный (Франко и Гримау) векторы.

Хулиан Гримау был расстрелян во внутреннем дворе тюрьмы Карабанчель 20 апреля 1963 г. У Е. Буджалова эти пространственные и временные координаты смещены: начало весны, край города. «Хаврин элц. Балһсна зах» [Буджала Е. 1964: 19].

У переводчика В. Стрелкова есть дополнительные подробности последнего пути заключенного коммуниста: «... Каморка тюремной машины тесна <...> Здесь, под Мадридом, в полях весна <...> По колдобинам путь. <...> Мотор замолчал. <...> Шагнул из машины» [Буджалов 1968: 45]. Последний путь удлинится:

пешком, машиной, пешком. Сейчас трудно предположить, чем вызвано такое авторское отступление от исторического факта: незнанием или художественной задачей. В то же время соответствует реальности следующая деталь: предложение священника исповедаться перед смертью и отказ Гримау: «Гелң ном умшхар, / Гримаун зөв суржана» [Буджала Е. 1964: 19]. Отсутствуют другие исторические факты: коммунист отказался от повязки на глазах перед расстрелом у ямы, у поэта повязка указана: «Нүднь боолһата Гримау / Нүкнэ амнд зогсжана» [Буджала Е. 1964: 19]. Наемники не смогли расстрелять Гримау, добил его офицер франкистской охраны. В стихотворении испанский герой говорит перед смертью, что скоро придет рассвет: «Өр цээх кем / Өөрдж йовх кевт...» [Буджала Е. 1964: 19]. Эта метафора грядущей свободы, которую приблизил своей смертью Гримау, это путь к свободе испанского народа в контексте стихотворения. И это граница между жизнью и смертью героя, это его путь к могильной яме, к небытию физическому и духовному бессмертию, это завершение его человеческой судьбы. Автор закончил свой текст верой в наступление рассвета, когда вместе с солнцем проснутся мадридцы: «Өр цээх кем / Өөрдж йовхнь зөвтэ, / Мандлсн нарнла хамдан / Мадридиңхн серхнь лавта» [Буджала Е. 1964: 19]. Этот путь от единичного к множественному, по убеждению калмыцкого поэта, должны пройти испанцы, борясь за свободу и демократию против тирании Франко. У переводчика слова Гримау: «Скоро рассвет! / Скоро солнце взойдет / В день лучезарный, в свободу...» [Буджалов 1968: 45]. И метафорическое окончание баллады: «...А над Мадридом, тревожно горя, / Словно винась, что дремала, / Вытекала струйкою алой заря — / Кровью из сердца Гримау» [Буджалов 1968: 45]. Приход зари и вытекание крови из расстрелянного узника, по переводчику, взаимосвязаны в общем движении.

Стихотворение Морхаджи Нармаева «Оошк торһн — Роза күүкн» (букв. «Розовый шелк — девушка Роза») по сравнению со стихотворением Егора Буджалова отличается не только объемом, но и широким контекстом событий. Если у Е. Буджалова в фабульном плане прослежены последние дни жизни испанского

коммуниста, то у М. Нармаева — история жизни не только американского коммуниста Генри Уинстона (1911–1986), но и эпизоды из жизни других персонажей, о которых рассказывается в сравнительно-сопоставительном аспекте. Если Е. Буждалов в названии стихотворения актуализирует имя испанского героя-коммуниста, погибшего в 52 года, то Нармаев делает главным героя не американца, а соотечественницу по имени Роза. Кроме того, в подзаголовке указывает жанр и адресат своего произведения: «Баһчудын туск баллад» («Баллада о молодежи»).

Чем же обусловлены авторские стратегии во втором случае?

Во-первых, девушка Роза для калмыцкого поэта стала символом советской молодежи, отважной, целеустремленной, отзывчивой, идеологически выдержанной. Отталкиваясь от единичного факта (письмо Розы Уинстону с предложением отдать ослепшему в тюрьме американскому коммунисту свой глаз), М. Нармаев приводит различные эпизоды во временном диапазоне: прошлое и современность, война и мирная жизнь. Во-вторых, подзаголовком («Баллада о молодежи») автор транслирует героический вектор событий с участием советской молодежи, у которой жизненный путь еще в самом начале, но она уже доказала свою состоятельность.

В отличие от буждаловского текста нармаевский текст включает единственный раз слово «хаалһ» в сочетании «американск коммунистин хаалһ» («американская дорога коммуниста»). Балладу калмыцкий поэт начинает с представления, что такое роза (это цветок, розовый шелк, прекрасная жизнь), кто такая Роза (молодая девушка). Он задается вопросом, почему эта девушка Роза заставила биться его сердце, чем стала известной? Далее начинается история американского коммуниста, борца за права бедноты Генри Уинстона, которого белые, опасаясь его, бросили в тюрьму. Понятие «цаһачуд» («белые») здесь дано в контекстной антитезе: коммунист — чернокожий американец. Действительно, в марте 1956 г. Г. Уинстон был арестован, ослеп в заключении, после протестов мировой общественности в июле 1961 г. был выпущен из тюрьмы. Как Е. Буждалов, так и М. Нармаев использовал калмыцкое слово «там» («ад / преисподняя») как синоним тюрьмы,

насилия, несвободы, конца жизненного пути. Узнав о страданиях американца, советская девушка Роза отправляет ему письмо, как своему отцу, от всего сердца предлагая для продолжения его борьбы свой глаз. Уинстон растроган движением души советской гражданки, которой всего двадцать лет, готовой пожертвовать своим зрением для лечения чужого человека.

М. Нармаев ретроспективно обращается к своей военной поре, когда был ранен, и другая девушка дала ему свою кровь, подняла на ноги: «Өргэд намаг босхла, / Өөрм зогсад, цусан өглэ» [Нармаев 1987: 95]. Когда еще одна девушка спасла ребенка от смерти после того, как тот ушел под треснувший под ним лед в воду, автор говорит о том, что никогда не забудет этот поступок девушки, сохранит в своей памяти ее облик. Он задается риторическим вопросом: неужели это Роза, или ее сестра, или ее потомки? Автор, современник всех описанных событий, приходит к выводу, что советская молодежь хороша, и Роза — одна из многих: «Санад-ухалад суухнь / Советин күүкд сээхн, / Отг-нутгин олна / Роза бас — негнь» [Нармаев 1987: 95]. Он благодарен Розе за предложенную помощь американскому коммунисту. Она прославила имя советского человека своими светлыми помыслами, она «осветила» американский путь коммуниста: «Седкл цахан болсар / Советин нерэн дуудулвч. / **Американск коммунистин / хаалһд / Омг өгч мандлвч**» [Нармин М. 1987: 96]. Завершается баллада авторским благопожеланием своей героине: «Эндэн нернчн тууртха, / Сэн жирһл үзж, / Сансн сананчн күцтхэ!» [Нармаев 1987: 96], т. е. пусть навеки прославится ее имя, пусть она узнает лучшую жизнь, пусть исполнятся ее желания. Этим йорялом-благопожеланием калмыцкий поэт проецирует будущую судьбу молодой девушки. В этой балладе пересечение жизненных дорог разных людей — американского коммуниста Г. Уинстона, его противников, его друзей-соратников, советских людей, в том числе и самого автора, советской молодежи, конкретно девушки Розы — являет диспозицию «свой» и «чужой», когда «чужой» коммунист из США становится «своим» единомышленником, когда чужой человек становится в буквальном смысле родным по крови, когда дальние расстояния

не становятся преградой для добрых дел и помыслов, когда чужая жизнь спасена ценой самопожертвования.

Если Е. Буджалов написал свой стихотворный отклик по горячим следам испанских событий 1963 г., то М. Нармаев обобщил свои мысли спустя восемь лет после освобождения американского коммуниста из тюрьмы.

Русские переводы двух текстов появились в печати спустя несколько лет. Перевод «Баллады о Розе» Даниила Долинского отличается от оригинала структурой (калмыцкий текст Нармаева структурирован в основном четверостишиями, разными видами анафоры, свободной рифмовкой), разбивкой на 3 части, рефреном («Роза / Есть у каждого / Своя!...»), концовкой. В первой части у переводчика — рассказ о Г. Уинстоне, во второй части — история о письме советской девушки Розы американскому коммунисту, в третьей части — воспоминания автора о войне, о послевоенном времени, размышления о современности, о советской молодежи. Концовка же в переводе Д. Долинского имеет расширенный характер, далекий от краткого йоряла-благопожелания главной героине. Переводчик обобщил весь сюжет баллады в антитезе тьмы / слепоты и света / свободы. «На земле / Зло пусть сгинет, / Где в тюремной мгле / Слепнут, / Сносят каторг маяту, / Кто срывает с мира / Слепоту!» [Нармаев 1978: 34]. В итоге Д. Долинский завершил свой перевод метафорой: «И повсюду, / За морем и здесь / Как о том, / Что бед не стало / Весть, — / Солнца смех живет / В слезинках рос / По утрам / На лепесточках роз!...» [Нармаев 1978: 34]. Наконец, переводчик соединил в одно целое заголовок и подзаголовок стихотворения — «Баллада о Розе».

Для калмыцкой баллады XX в. характерны политические баллады широкого плана, прежде всего связанные с историко-революционной темой, темой Гражданской и Великой Отечественной войн. Это баллады Б. Дорджиева, М. Нармаева, М. Хонинова, Л. Инджиева, А. Балакаева, Т. Бембеева [Ханинова 2019: 194–206]. В этих балладах также прослеживается диспозиция «свой» и «чужой» в аспекте войны и мира, захватчиков и освободителей, врагов и героев, подвига и предательства, жизни и смерти, судьбы и воли, пути-дороги.

Две баллады Егора Буджалова и Морхаджи Нармаева обусловлены современными авторам событиями политического масштаба, когда за освобождение арестованных коммунистов Испании и Соединенных Штатов Америки в 1960-е г. — Хулиана Гримау и Генри Уинстона — выступило прогрессивное человечество, в том числе и писатели. Братская солидарность народов СССР с иностранными коммунистами проецирует сближение понятий «свой» и «чужой», в то же время актуализируя данную диспозицию в аспекте враги и друзья СССР, соратники и противники коммунизма в мире. Эти произведения калмыцких поэтов несут отпечаток своего времени в ярко выраженном общественно-политическом и идеологическом ракурсе, не изменяя гуманистический и нравственно-этический вектор авторской интенции.

Литература

- Байдын С. 1967 — *Байдын С. Цегэсиг серүлсн өрүн: шүлгүд*. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1967. 133 х.
- Балакан А. 1962 — *Балакан А. Ленинэ белгисн кишг: шүлгүд, дуд болн поэмс*. Элст: Хальмг госиздат, 1962. 63 х.
- Буджала Е. 1970 — *Буджала Е. Нернчн кемб, салдс: шүлгүд болн поэмс*. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1970. 77 х.
- Буджала Е. 1963 — *Буджала Е. Хулиан Гримау // Теегин герл*. 1963. № 4. X. 18–19.
- Буджалов 1968 — *Буджалов Е. Баллада о коммунисте // Теегин герл*. 1968. № 2. С. 44–45.
- Доржин Б. 1959 — *Доржин Б. Өргн теегин өр дундан*. Элст: Хальмг АССР-н дегтр харһач, 1959. 157 х.
- Доржин Б. 1963 — *Доржин Б. Чик хаалһ: роман. Негдгч дегтр*. Элст: Хальмг госиздат, 1963. 254 х.
- Доржин Б. 1964 — *Доржин Б. Чик хаалһ: роман. Хойрдгч дегтр*. Элст: Хальмг госиздат, 1964. 287 х.
- Куукан А. 1963 — *Куукан А. Санан: шүлгүд болн поэмс*. Элст: Хальмг госиздат, 1963. 86 х.
- Леежнэ Ц. 1990 — *Леежнэ Ц. Үүнд би төрлэв: шүлгүд, поэм, орчуллһс*. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1990. 154 х.

- Нармаев 1987 — *Нармаев М. Б.* Избранные произведения в 2-х томах. Том 1. Стихи и поэмы. На калм. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. С. 93–96.
- Нармаев 1978 — *Нармаев М. Б.* Четырнадцать богатырей: стихи и поэмы / пер. с калм. Д. Долинского. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. С. 26–34.
- Сэн-Белгин Х. 1982 — *Сэн-Белгин Х.* Нарн, мөнд: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1982. 126 х.
- Сусен А. 1962 — *Сусен А.* Зөргин хаалһар: шүлгэр бичсн роман. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1962. 169 х.
- Төвкнкин Э. 1968 — *Төвкнкин Э.* Өрүни серүн аһар: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1968. 60 х.
- Ханинова 2010 — *Ханинова Э. М.* Дорога // Этнокультурные концепты в сознании современных россиян [Текст] / Т. С. Есенова, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Г. Г. Слышкин, Ж. Н. Сарангаева [и др.]. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. С. 129–137.
- Ханинова 2019 — *Ханинова Р. М.* Баллада о войне в калмыцкой поэзии XX в. // Новый филологический вестник. 2019. № 1. С. 194–206.
- Хоньна М. 1971 — *Хоньна М.* Өрэсэн тенгр дор: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1971. 171 х.
- Хоньна М. 1989 — *Хоньна М.* Мини хаалһм // Теегин герл. 1989. № 1. Х. 70–72; № 2. Х. 76–79.
- Хоньна М. 1987 — *Хоньна М.* Чагчм хаалһс: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1987. 30 х.
- Хоньна М. 1976 — *Хоньна М.* Шүлг мини, делгр: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1976. 85 х.